

Прямое попадание

Репортаж Ольги Мусафировой из Харькова — из разрушенной российскими ракетами типографии, из подземной школы и подвальных арт-пространств

Британский танк Mark V времен Первой мировой войны около поврежденного фасада исторического музея на площади Конституции в центре Харькова, Украина, 27 мая 2024 года. Фото: Валентин Огиренко / Reuters / Scanpix / LETA

08:17, 5 июня 2024,

Ольга Мусафирова

собкор «Новой газеты Европа» в Украине

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

28 мая. Харьков. Ноги скользят на холме из мокрых горелых страниц. Отдаю себе отчет, что кровь тоже впиталась, перемешалась с пожарной пеной. «Німецька мова. Третій рік навчання», — читаю вслух там, где можно разобрать. «Щоденник», то есть «Дневник». На обложке девочка в малиновом, кто-то «...and friends», и обугленные края. Тут рисунок уцелел полностью: папа-лев сложил натруженные лапы, у мамы улыбка до ушей, их потомство кувыркается рядом, текст познавательный: «Совсем мелкие львята весят полтора килограмма и напоминают желтоватых котят с пятнышками по всему телу». Наверное, учебник природоведения для младших классов.

В разрушенные стены и крышу переплетного цеха лезет солнце. Очень тихо. Шорк, шорк, — женщина в фирменном халате «Фактор-Друк» метет дорожку вдоль холмов. У нее неподвижный, отсутствующий взгляд. Так убирают дом после похорон. Но еще ничего не закончилось. Похоронили только двоих, а останки пятерых погибших от прямого попадания российских ракет по харьковской типографии ждут в морге окончательного заключения экспертизы ДНК.

Воронка которая появилась после российского ракетного удара у типографии «Фактор-Друк». Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Жизнь и судьба

Ударили сюда 23 мая, в 10:27, четырьмя С-300, с интервалом меньше минуты. Во дворе, у стены цеха, зияет кратер, наполненный водой, — это след первой. Следующая угодила точно в цель: в ниткошвейную машину, умную громадину, что сшивала книжные блоки.

Последствия попадания С-300 в типографию, 24 мая 2024 года. Фото: [офис президента Украины](#)

— Я опознавала тела, — твердо произносит Татьяна Гринюк. — Хотя сказать «тела» неправильно. Люди полностью сгорели.

На Татьяне — солнцезащитные очки; вообще она образец самообладания, как и положено генеральному директору предприятия. «Фактор-Друк» — современнейшая типография (по-украински «друкарня») не только по меркам Харькова, где, так сложилось исторически, сконцентрирована львиная доля полиграфической базы страны. На рынке с 1996 года. Выпускали художественную литературу (в холдинг «Фактор» входит и книжное издательство «Виват»), учебную, газеты, журналы, рекламные буклеты, каталоги. Много заказов из Европы. А в переплетный цех, построенный и оборудованный пять лет назад, европейцы вообще приезжали поохать. Военное время сократило численность персонала «Фактор-Друк» с шестисот человек до ста, но спрос на здешнюю продукцию рос.

— Часть смены заканчивалась. Ребята через пятнадцать минут

уходили по графику на обед. Немного бы позже [ударили], и в помещении никого б не оказалось...

Гендиректор типографии Татьяна Гринюк показывает, где были найдены останки людей. Фото: Ольга Мусафилова / «Новая газета Европа»

Гринюк рассказывает, как просматривала потом записи видеочкамер, которые передавали картинку на сервер:

— Здесь, — показывает место, где на черных бесформенных глыбах навалены куски арматуры, балки, — находились три сотрудницы-ниткошвейки.

За пять минут до прилета у одной звонит телефон, она идет поговорить вглубь помещения, чтобы не жужжало под ухом. Вспышка, дальше записи нет. Женщина в тяжелом состоянии, в больнице, но жива.

Директор по производству в 10:26 минует ряд машин, нигде не останавливаясь. Вспышка, дальше записи нет. Жив.

Остатки продукции типографии пострадавшие от обстрела, 24 мая 2024 года. Фото: [офис президента Украины](#)

У самой Татьяны — похожая история. Направлялась сюда из административного корпуса по переходу-складу. До распахнутых дверей и, соответственно, двора, залитого жарким солнцем, где теперь воронка от С-300, оставалось всего ничего, и тут важный звонок. Вернулась для разговора вглубь, в прохладу. Осколки и взрывная волна Гринюк не задели.

Двое сотрудников заболели накануне вечером, предупредили, что на утреннюю смену выйти не смогут.

Технолога призывного возраста — он как раз направлялся в переплетный цех — затормозили представители ТЦК (территориальный центр комплектования — так называется в Украине военкомат. — **Прим. ред.**) буквально на подступах к

предприятию.

Так выглядит в Харькове судьба.

Уцелевшие дневники музыкальной школы на фоне сгоревших книг в типографии, 24 мая 2024 года. Фото: [офис президента Украины](#)

Переплетный цех — это конвейер. Делали обложки, на сленге полиграфистов «крышки», ламинировали их, наводили позолоту, складывали, то есть «подбирали» листы будущих книг, сшивали блоки — всё автоматически, разумеется. Немецкое, швейцарское, итальянское оборудование экстра-класса. Часть пространства занимали стеллажи с полуфабрикатами и готовая продукция, попросту — бумага и картон, лучшая пища для огня.

— Четверых, кто находился в начале листоподборочной машины, сумели вытащить до приезда спасателей. Тяжело раненных, но живых, — продолжает Гринюк. — Спасатели доставали уже мертвых. Потому что у спасателей правило:

немного выждать. Они ж как делают обычно? (Российских военных — концентрированное зло — Татьяна брезгливо называет «они»). Берут паузу, чтобы снова собралось больше людей, начали разбирать завалы, и повторно бьют в ту же точку.

— А вы сколько времени выждали?

— Нисколько. Директор по производству сразу бросился, главный энергетик, управляющий цехом Паша, фамилии не помню, мастера и операторы братья Марковы, ну и ребята из других машиноцентров. Никто не растерялся. Раненых выводили, выносили. Противогозов у нас нет, потому позже в огонь и дым просто не смогли бы войти.

Видите, машина полубоком стоит? Тонн десять весит. Ее взрывной волной подняло в воздух, развернуло и бросило от стены вон туда...

От тех, кто был ближе к хвосту листоподборки, к ниткосшивающей, к ламинатору, мало что осталось.

Шорк, шорк, — подметают пол. Надо чем-то занимать руки, чтобы не сойти с ума.

Сотрудники типографии делают уборку в переплетном цеху. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

«А мама где?»

— Вот тут [останки] нашли, и тут тоже. Я распорядилась отнести в гараж, где прохладно, пока «Скорая» не приехала. Выставила охрану. Я думала, части тел, рука там или нога обгоревшие. Но врачи сказали, дословно, что один фрагмент, ну, вот такого размера (показывает), килограммов на пять-семь, — это вся Таня Храпина, целиком. «Принадлежит человеку крупной комплекции». Таня очень дородной, красивой женщиной была. Печатница-теснильщица, двадцать лет с нами, вырастила несколько поколений операторов различных машин. Такая мамочка-мамочка. И своих взрослых детей двое, сын и дочь. За сына очень переживала. Он тоже работал печатником на «Фактор-Друк» и ушел в ВСУ, воевать, — рассказывает Гринюк.

Когда я писала репортаж, относительно Татьяны Храпиной судмедэксперты еще не дали окончательного заключения. Из семи погибших по вине российской армии сотрудников пока

смогли похоронить только двоих: Романа Строгого, машиниста приклеивающей машины, и брошюровальщицу Светлану Рыженко. Их опознали.

— Дочка Оли Курасовой, машинистки ниткошвейной машины, единственная из родственников, кто в морге не плакала, — говорит Татьяна Гринюк. — Но лучше бы плакала. Я видела, что ей хуже, чем тем, у кого истерика. Внесли фрагмент с остатками ткани специфической расцветки, как шахматная доска. Мне показалось, что я на Оле похожие брюки видела. Спрашиваю у ее дочери: «Готова?» — «Да». — «Ты же знаешь, в чём мама была одета?» — «Да». Стоит, долго смотрит и задает вопрос: «А мама где?»

Татьяна Гринюк показывает размер найденных останков. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Приближаемся к очередной грудке рваного металла.

— Рабочее место Лены Ненандовской. Не очень давно у нас, года

три-четыре. Добрая, отзывчивая. Когда увидела в морге — с проломленным черепом, обгоревшую, в крови, в грязи, — мне самой показалось сначала: вроде Лена. На опознание приехали сын с невесткой, совсем юные. В таком состоянии, не передать. Сын подходит: «Мама...» Невестка: «Мама...» Следом приезжает родня Светланы Рыженко: «Так это наша Света!» А девочки еще недавно сделали похожие стрижки, обе выкрасили волосы в черный цвет. В общем, и та, и другая семья сказали: «Наша».

Хотя на самом деле установили, что это Светлана. То ли детям Лены хотелось, чтобы не обугленный кусочек отдали, а тело, и они себя убедили? Не знаю.

Делаем еще несколько шагов вперед.

— На листоподборке стояли Аня Минаева и Дима Шило. Димина мама — тоже наша сотрудница, сейчас в больнице, онкология. Сын был надеждой и опорой. А теперь остается только ждать, чтобы точно знать: вот Дима, вот Оля, Лена, Аня, Таня.

Главный энергетик Александр Дзюба сразу бросился спасать коллег. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Останавливаемся у того, что называлось стеной, у нагромождения труб и дюралевых листов с пробоинами от мелких осколков. Тут Романа Строгого смертельно изрезало летевшим металлом.

— А Люду Лысак вытащили из-под завалов до приезда «чрезвычайщиков». Всё у нее перебито, кровь ручьями. Лёша Соболев прошел курсы медпомощи, жгуты накладывал очень умело. Люда — боец, должна выкарабкаться, — Татьяна отворачивается. Потому что среди раненых, которые остаются в больнице, есть очень тяжелые. В приемной Сергея Политучего, собственника группы компаний «Фактор», я слышала, как помощница докладывала шефу о состоянии этих сотрудников.

Мимо, в сторону «аквариума» (так до ракетной атаки называли комнату мастеров) проходит молодой человек. Татьяна окликает его. Главный энергетик Александр Дзюба одним из первых превратился в спасателя, а сейчас пытается «заземлить»

нервное напряжение коллег:

— Признаются, что боятся выходить на работу. Некоторые плачут.

Когда пострадавших несли в машину «скорой», вспоминает Гринюк, пожарным по рации передали: опять пуски из Белгорода. То есть минута — и прилетит. Не исключено, что снова сюда: «Воздух! Увозите быстрее!» Но россияне рассказывают в пабликах: в типографии якобы собирали дроны, за что и получили.

Сергей Политучий, глава группы компаний «Фактор», показывает образец книги для детей в типографии, которая была сильно уничтожена в результате российского ракетного удара в Харькове, 26 мая 2024 года. Фото: Валентин Огиренко / Reuters / Scanpix / LETA

Черная лента новостей

Трагедии в Харькове наползают друг на друга. Та, где жертв

больше, заслоняет меньшую, свежая — предыдущую. Все вместе создают непрерывный соответствующий фон.

Есть **статистика**. С начала года российская армия нанесла по городу более 1700 ударов, из них 230 ракетных. Но в мае черную ленту с государственных флагов, кажется, не снимали совсем. Противник выбрал тактику запугивания, массовых убийств гражданского населения и разрушения инфраструктуры. Цель понятна: вызвать панику и стихийные выступления с требованиями к местной власти об эвакуации города-миллионника. В идеале — добиться ультиматума харьковчан Зеленскому: начинайте мирные переговоры с Кремлем!

23 мая ракетный удар по «Фактор-Друк» унес семь жизней. Прямой ущерб от уничтоженного помещения и оборудования составил 5–6 миллионов евро. В сравнении с переплетным, листовой и газетный цеха пострадали меньше, но это ничего не дает: все этапы производства книг пройти уже нельзя.

25 мая управляемыми авиабомбами УМПБ Д30, полное название — «универсальные модифицированные планирующие боеприпасы», сожгли в разгар рабочего дня сетевой строительный гипермаркет «Эпицентр». Завалы посреди пепелища закончили разбирать 29 мая. К этой дате число погибших выросло до девятнадцати: одиннадцать мужчин, шесть женщин, двое детей. Чтобы найти хотя бы малые кусочки тел, пришлось просеивать пепел... Из незабываемого: русая макушка восьмилетнего Михайлика, у которого берут анализ ДНК для идентификации останков отца, продавца в «Эпицентре».

Неразорвавшийся планирующий боеприпас, обнаруженный позже, в восьмидесяти метрах от гипермаркета. Долетел бы — умножил бы

число смертей.

Еще 25 мая российские военные, закрепляя успех уничтожения магазина, **обстреляли** Центральный парк. К счастью, без жертв: КАБ (корректируемая авиационная бомба) попала в дорожку возле спортивной площадки. По парку вообще бьют периодически. В предыдущий раз ударили 19 мая, неподалеку от летнего танцпола, где харьковчане элегантного возраста по привычке собираются на часок-другой, а диджей ставит музыку. Люди целы, уничтожено восемь каштанов и кленов.

27 мая. Удар управляемыми авиабомбами по промзоне в Холодногорском районе Харькова: одно предприятие выпускало сладости, другое — технику для полива. Погибла женщина, одиннадцать раненых, часть в тяжелом состоянии. И так дальше...

Монумент погибшим детям. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

О фаталистах и оптимистах

За трое суток, что я провела в Харькове, «бестревожных» промежутков выпало мало. Но сильнее всего меня, киевлянку, напрягала тишина, наступавшая после сирены. Ни единого «выхода» ПВО (в Украине давно научились распознавать бахи на слух)! Зато взрыв, далекий или ближе, неизменно означал прилет. С-300 из соседней Белгородской области запускают сюда по баллистической траектории, что практически несбиваемо. Было и так, что система оповещения включалась сразу после атаки: ракета летит меньше минуты. В другой раз атаковали после многочасовой «выдержки». Такая игра на нервах населения.

Однажды после сирены я дисциплинированно — «Не игнорируйте сигналы тревоги!» — спустилась на станцию метро «Исторический музей». В метро, куда вход бесплатный, гуляли лишь сквозняки и было пусто: поезд ушел, интервалы длинные. Прятаться под землей на лавках и ковриках-карематах день и ночь невозможно. Бомбежки превратились в рутину, харьковчане — в фаталистов.

— Дрон-разведчик опять летает, — покопавшись в телефоне, сообщила бариста девушке на рецепции в моей гостинице и продолжила тут же без паузы, — обедать идешь?

Продолжали работать магазины, кофейни, аптеки, банки, общественный транспорт. По центральной улице Сумской, где ослепших, закрытых фанерными щитами окон в зданиях эпохи конструктивизма больше, чем целых, фланировали девочки-выпускницы. Часть щитов превратилась в самостоятельные

арт-объекты. Украшены то петриковской росписью (украинская декоративно-орнаментальная народная живопись. — Прим. ред.), то портретами и цитатами Григория Сковороды, то фрагментами из произведений Владимира Вакуленко или Виктории Амелиной, современных харьковских литераторов, погибших от рук российских военных.

Щиты из фанеры, прикрывающие выбитые обстрелами окна, превращенные в арт-объекты в центре Харькова. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Прохожих негусто. Обстановка вынуждает многих покидать родные места. Городской голова Игорь Терехов в мае просил, нет, умолял мировых лидеров и западных партнеров дать Харькову системы «Patriot», такие, какие прикрывают столицу. Но расстояние до российской-украинской границы столь незначительно, что противоракетные комплексы сами станут мишенью. Остается единственный действенный способ: подавлять дальнобойным оружием огневые точки непосредственно на территории страны-агрессора.

У основателя и главы группы компаний «Фактор», а также мецената, президента фестиваля KharkivMusicFest и почетного консула Франции в Харькове Сергея Яковлевича Политучего есть все возможности не рисковать третий год под обстрелами, а на законных основаниях перебраться в Европу — возраст позволяет. Не позволяют темперамент (например, после шестидесяти он получил лицензию пилота самолета) и та душевная близость с городом, которая проявляется у коренных харьковчан в энном поколении. А Политучий-то — уроженец Саратовской области! Приехал сюда с семьей в 1980-м, и как гражданин сформировался в Украине. Интеллектуальное хобби — книги. Замечает: «Видите, как мне повезло в жизни: бизнес и увлечение совпали». Интересует Сергея Яковлевича в основном историческая литература.

— Я и до 2022 года говорил об этом в своих выступлениях за границей. Иностранцы не понимают причин агрессивности России. А она берет начало от Золотой Орды. Европейское мышление от российского отличается знаете чем? Ментальность «среднего» европейца, его living style — усовершенствование собственного дома. Для «среднего» ордынца главное — экспансия, двигаться и двигаться, захватывая новые территории. Ну и вспомните Салтыкова-Щедрина, уж он точно знал предмет: русский патриот — крестьянин, который сидит в курной избе с проваленной крышей и гордится, что у его барина самая большая усадьба в уезде. Что изменилось? Сами готовы жить в дерьме, но лезть дальше на Харьковскую область, бить по Харькову. Радоваться: у «хохлов» всё рушится и горит! И гордиться своим «барином», которого боится Америка...

Здание областной военной администрации. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Сергей Яковлевич каждый день общается с коллективом «Фактор-Друк»: семьи погибших не останутся без поддержки. Сколько сотрудников преодолет психологическую травму— пока вопрос открытый.

О готовности помочь уже **объявил** Говард Баффет, американский миллиардер и филантроп, чей фонд с начала российского вторжения инвестировал в гуманитарные проекты в Украине более полумиллиарда долларов. Баффет установил своему фонду жесткие рамки: заменить оборудование и запустить печать, пусть во временном помещении, чтобы украинские школьники получили учебники к сентябрю 2024 года. Выступил с видеообращением: «Они могут уничтожить книги, но не украинскую стойкость и преданность. Мы с нетерпением ждем начала нашей работы с Сергеем и работы в Харькове». По данным Политучего, 30–40 процентов учебников в стране печатала именно его типография.

Можно ли рассматривать удар по «Фактор-Друк» еще и как показательный акт мести лично владельцу, в стилистике кремлевской пропаганды — предателю России? Не исключаю. Несколькими днями позже КАБы ударили по гольф-клубу, принадлежащему Юрию Сапронову («Новая-Европа» уже писала о нём), тоже крупному харьковскому бизнесмену, известному волонтеру. Юрий примчался на место через двенадцать минут после первого удара. Написал в фейсбуке: «Все живы, слава Богу. Всё восстановлю. От более сильного пожара спасла система полива».

Сапронов — автор самого короткого лозунга дня, который я приведу, почти не отредактировав: «Хер вам, а не Харьков».

Вход в подземную школу в Харькове. Фото: Сергей Козлов / EPA-EFE

Дети подземелья

Снаружи первая в мире подземная школа выглядит неброско. Похоже на вход в модный погреб с надписью «Укрытие».

Это действительно, по сути, противорадиационное укрытие с высшей степенью защиты, системой вентиляции, резервными источниками энерго- и водоснабжения, канализацией и тому подобным. 1250 «квадратов» безопасного пространства в одном из самых опасных в смысле обстрелов районе Харькова — Индустриальном. От «настоящей» школы, кирпичного здания тридцатых годов постройки, ныне гимназии номер 88, сюда ведет асфальтированная дорожка, вдоль которой цветут петунии, высаженные совсем недавно, и дежурит охрана.

Два пролета ступеней вниз, на глубину шесть метров. Подъемник для тех, кто в инвалидной коляске. Свет искусственный, яркий, но глаза не режет. Белый коридор, по обеим сторонам которого двадцать классных кабинетов, выкрашенных в летние тона: преимущественно салатовый, желтый, оранжевый. Ресурсная комната для работы с психологом, воркшоп для педагогов — по-старому учительская, медпункт, игровое помещение.

Буфетная, где выдают в качестве обеда боксы с бургерами (сбылись мечты тинейджеров о нормальной пище вместо полезной!).

Инклюзивные туалеты тоже есть. Окна — единственное, чего нет и быть не может.

— Здесь совершенно не слышны взрывы! — делится со мной главными впечатлениями от мая, первого месяца работы подземной школы, Валентина Пухлий, директор 88-й гимназии. — И ученики, и учителя чувствуют себя спокойнее. Дети эмоционально оживают. Смеются, шумят, бегают.

— А потом все по домам, и кошмар возобновляется, — зачем-то напоминаю я.

Валентина Андреевна вздыхает. Что тут скажешь? Подземную школу посещают и ребята-переселенцы из Купянска, Боровой, Изюма. Восхищаются тем, как в Харькове хорошо, спокойно, не то, что... Директор просит не забывать: город принимает донецких и луганских переселенцев с 2014-го, когда война только началась. Опыт большой. Но теперь ответственность Пухлий выросла многократно. Под ее крылом — дети и преподаватели из одиннадцати школ района. «Харьковский лицей номер 113», «Харьковский лицей номер 70» — таблички на дверях напоминают, что еще недавно всё это были отдельные учебные заведения. Беда собрала под одной крышей. Точнее, под землей.

Я видела, как старшеклассники обнимались после нескольких лет разлуки друг с другом и преподавателями. Сначала онлайн во время ковида. Потом большая война, посещение так называемых «метрошкол», приспособленных помещений на станциях метро «Университет», «Перемога», «Тракторный завод». У многих эвакуация из города, в том числе за границу, снова занятия онлайн...

— Помещение рассчитано на 900 учащихся, обучение в две смены. Построили под бомбежками за полгода, за средства местного бюджета, 58 миллионов гривен. Идея принадлежала мэру Игорю Терехову. Он сам контролировал процесс. Пообещал городу еще несколько подземных школ, в других районах — родители очень просят. Но локации пока не называем публично, — рассказывает мне Елена Збицкая, начальница управления образования Индустриального района.

Глава управления образования Индустриального района Харькова Елена Збицкая в помещении подземной школы. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Беседуем в коридоре, некоторые двери приоткрыты. Сейчас начнутся уроки. Прикидываю, как бы вклиниться на минутку в образовательный процесс (мимоходом услышала, что второклассники писали сочинение о планах на лето). И тут звучит фонограмма: гимн Украины. Просто смотрю на лица.

— Не имею права пересказывать их истории, — произносит Валентина Пухлий. — Но здесь есть дети, чьи близкие погибли на фронте, положили душу и тело за нашу свободу. И те, у кого дома больше нет, разрушен русскими ракетами.

Муж Елены Збицкой ушел в ВСУ. Она вывезла пожилую маму из Липцов, селà за тридцать с небольшим километров от Харькова, которое в нынешнем мае снова превратилось в линию фронта. Не хочет ничего загадывать:

— Мы так верили, что повторения двадцать второго года не случится...

Второклассники впервые сели за парты, увлеченно лепят из пластилина «видеоряд» к своим сочинениям о предстоящих каникулах, обсуждают детали:

— Я поеду к бабушке в село и буду ходить на рыбалку! Вот такую рыбу словлю!

— На речку нельзя, там мины.

В мэрии готовятся открывать подземные реанимационные и операционные отделения.

Станция метро «Исторический музей» в центре Харькова. Здесь дети прятались от российских ракет и рисовали. Фото: Ольга Мусафилова / «Новая газета Европа»

Подвалы двойного назначения

Надеюсь, после войны жизнь харьковских подвалов будет изучена и описана, как она того заслуживает. А я начну с полуподвала бывшего доходного дома XIX века, ныне обычной

единицы коммунального фонда, в историческом районе Гончаривка, что прославился благодаря пьесе «Сватання на Гончарівці» классика украинской литературы Григория Квитки-Основьяненко. Издатель Александр Савчук открыл здесь культурное пространство с названием «КнигоУбежище». Такое же камерное, как его издательство академической и научно-популярной литературы: архитектура, этнография, биографические очерки.

Комнатка «КнигоУбежища» — белый стеллаж с книгами, круглый стол, стулья с гнутыми спинками, что остались от «той» эпохи. Для релаксации — проигрыватель с пластинками, для интереса — раритеты: пишущая машинка, комплект шрифтов для горячего набора. Аналоговое пространство, где хорошо думается даже во время налета. Только латте с пирожными, как во многих вновь открывшихся столичных книжных магазинах, по-украински «книгарнях»-кофейнях, здесь не подают.

— Осенью двадцать второго года я обратил внимание: снова растет интерес к книгам, — рассказывает Александр. — До вторжения мы выпустили «Путеводитель по Киеву» Фёдора Эрнста, был такой краевед, репрессированный в тридцатых. Купили Эрнста несколько исследователей-профессионалов, и всё. Но когда киевляне стали возвращаться в свой город после самого острого периода, по-другому посмотрели на Киев, на его историю: характерная переоценка. Тираж размели! Подобное происходило по всей Украине в местах, где испытали наибольшую опасность.

В «КнигоУбежище» собираются люди, которых интересует этнография, культурология, биографические очерки. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Когда Харьков расстреливала полевая артиллерия россиян, стоявшая чуть не сразу за городской чертой, в убежище спускались жильцы с верхних этажей. Моды на чтение, тем более «трудных» книг, не было даже у молодежи, замечает Савчук. Сейчас в «КнигоУбежище» несколько раз в неделю собираются не только студенты-культурологи и будущие философы. Заглядывают программисты, медики, люди, которых прежде мало занимало что-то еще, кроме узкопрофильных вещей.

— Я прежде не думал, что русские будут делать так всё в лоб: бить по музеям, по издательствам. Понимаю, что война не закончится просто выходом на границы 1991 года. Их цель — уничтожить национальную идентичность украинцев, а наша — сохранить ее, — говорит Савчук. Он, преподаватель университета, читает в «КнигоУбежище» просветительские лекции о Слобожанском крае.

— В Харькове потрясающая архитектура, в том числе 20-х годов прошлого века. Многие интересные люди тут жили, они фактически формировали современную Украину,

— замечает мой собеседник, вспоминая по случаю курьез. Савчук издал книгу об архитекторе Василии Кричевском, профессоре, основоположнике украинского модерна. Фолиант взял в руки некий неопит. Прижимает к груди, благодарит: «Какой труд! Вы собрали все песни Гарика Кричевского!»

По первому образованию книгоиздатель Александр Савчук — танкостроитель. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

По первому образованию Александр Савчук — танкостроитель. Добиваться ответа на вопрос, не жалеет ли, что сменил вид деятельности, и что сегодня нужнее стране, танки или книги, я не стала.

...На массивных колоннах станции «Исторический музей» — трехметровые картины в духе стрит-арта, панно и плакаты. Их рисовали дети страшной весной двадцать второго. Прошу заметить, обычные школьники, которым вместе с родителями пришлось круглосуточно жить в метро. Когда-нибудь эти коллективные работы присоединят к обвинительным документам в Гааге.

Такую форму борьбы со страхом придумал Микола Коломиец, руководитель художественной студии «Аза Низи Маза» (название — отсылка к фильму Феллини «Восемь с половиной», детское заклинание главного героя, которое помогало преодолеть отчаяние). Миколу ассистировал его друг и коллега Алексей Михайлов, директор еще одного проекта, Art Area ДК (можно произносить как «Артерия»). Перетащили в метро столы, лестницы, кисти, краски, бумагу: как раз накануне вторжения закупили много расходников, Микола устроил экспресс-мастер-класс. И стали приходить на «Исторический музей» ежедневно. Благо, ночевали в своих подвалах неподалеку, вместе с соседями, их кошками, собаками и хомячками.

Помещения, которые арендуют Коломиец и Михайлов, располагаются на одной улице. С Миколой я не увиделась, он в тот день отсутствовал в городе. Алексею пришлось водить меня по галереям за двоих. Вход в первое подземное культурное пространство нашла легко: как объяснили — рядом с академическим драмтеатром, прежде носившим имя Пушкина. Привычные фанерные щиты вместо витрин и надпись «ДЕТИ» у подножия, как в театре Мариуполя, пока все внутри еще были живы (театры, включая кукольный, в Харькове работают на приспособленных площадках, «минус первых» этажах).

Арт-директор «Art Area ДК» Алексей Михайлов. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

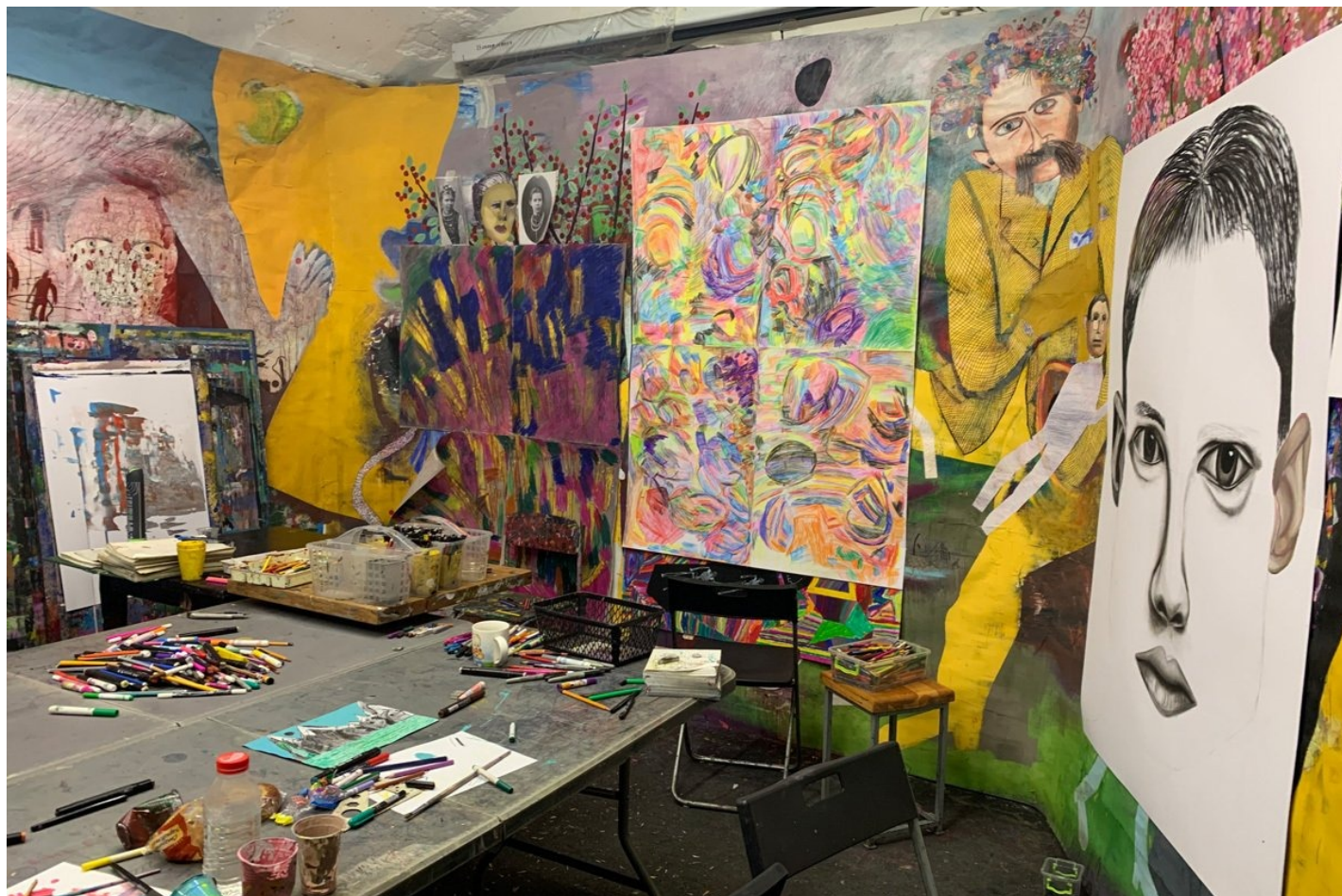
— Ни у меня, ни у Миколы нет машин. Без транспорта волонтерской деятельностью не займешься, — вспоминал Алексей. — А как еще городу помочь? Это дело и для нас много значило. По четыре, шесть, восемь часов подряд дети рисовали. Никто не уставал.

Проект художники назвали «Что я вижу». А плакаты проекта «Что я видел»: разбомбленные дома, птицы-самолеты, которые пикируют на цветущие сады, — воспитанники студии Коломийца создали еще в четырнадцатом году. Дети выросли, война продолжается.

На стенах «Art Area ДК» — выставка свежих полотен. В следующем отсеке монтируют декорации для спектакля. Когда метро как место обитания харьковчан прекратило свою функцию, многие школьники по привычке продолжили заходить в оба подвала, к Коломийцу и к Михайлову.

— Варили вместе макароны, новости читали. Потом решили: раз так, надо учиться рисовать не любительски, а профессионально, — улыбается Алексей. — И студия открылась снова.

Художественная студия «Аза Низи Маза». Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

Переходим в подzemелье «Аза Низи Маза». До вторжения Коломиец занимался арт-терапией, вел инклюзивный класс для детей с ментальными расстройствами. Сейчас занятия возобновлены, ребят интегрировали в общие группы. Всё, включая материалы для творчества, бесплатно. Замечаю:

— Тут, смотрю, больше юных поклонников Босха, Мунка и абстракционистов...

— Микола «тему-идею» картин не навязывает. Помогает только с воплощением, если

технические сложности. Такое настроение у детей — всё происходящее видят острее. Мир рушится, потому что Харьков разрушают.

В августе прошлого года Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) опубликовала **отчет**, где подтвердила: в Украине с начала вторжения пострадало 274 культурных объекта. Харьковская область в перечне занимает второе место, сразу после Донецкой. С тех пор ситуация стала еще отчаянней. Слова заканчиваются. Харьков, названный ЮНЕСКО креативным городом, равняют с землей, и это не метафора. Национальный Комитет Украины Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (IFAP) периодически делает заявления: в апреле — об уничтожении харьковской телевышки, в мае — о варварском обстреле типографии «Фактор-Друк»...

Россия — до сих пор член ЮНЕСКО.

Концерт для скрипки с ракетой

Очередные пролеты ступеней вниз. Узкие переходы. Тусклый свет. Сплетение коммуникаций под потолком. Зал полон. Многие пришли с цветами. Есть дамы в платьях в пол: традиции, праздник. Сверху — Национальный академический театр оперы и балета. Здание сильно пострадало от обстрелов в начале вторжения, плитам фасада грозит обрушение.

Выступление фестивального симфонического оркестра в рамках ежегодного KharkivMusicFest носит название «Несостоявшаяся встреча: Брамс — Борткевич». Скрипичный концерт композитора и дирижера Сергея Борткевича, что родился в конце девятнадцатого века в Харькове и достиг вершин в Вене, на родине исполняется впервые. Второе отделение —

«Симфония номер два» Иоганнеса Брамса. Процессы, которые происходили в украинской культуре, гармонируют с европейскими, таково «послание» фестиваля. Дирижирует оркестром арт-директор фестиваля Виталий Алексеенок, уроженец Беларуси. В государстве Лукашенко он оставаться не мог, много лет живет и работает в Германии. Репетиции с харьковским оркестром, вплоть до генеральной, проходили онлайн.

— Благодарю организатора фестиваля Сергея Политучего за то, что у него хватило сил собрать нас сегодня и хоть немного отвлечь от ужасов вокруг, — говорит перед началом концерта мэр Игорь Терехов.

Симфонический концерт в подzemелье во время воздушной тревоги. Фото: Ольга Мусафирова / «Новая газета Европа»

— Когда меня спрашивают, почему вы не передислоцируетесь, я отвечаю: не хочу, чтобы Харьков стал пустыней, — добавляет глава группы компаний «Фактор» Политучий. — Будем

восстанавливать предприятия, сохранять рабочие места. А музыка, когда гремят пушки, — ответ агрессору: вы нас не уничтожите.

В руках у публики вибрируют телефоны, переведенные в беззвучный режим: «Воздушная тревога! Угроза баллистики!» И тут же по новостным лентам несется: «Харьков. Взрывы!» Едва дождавшись антракта, мэр Терехов спешит к выходу, прижав к уху трубку. Он стал абсолютно седым.

Только бы без жертв.

Киев–Харьков–Киев

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Гостомель. Подвал](#)

Ольга Мусафирова побывала на выставке, где воссоздали ужасы российской оккупации, и в самом городе, который их пережил. Большой репортаж «Новой-Европа»

09:51, 25 апреля 2024, Ольга